

И. К. САЗОНОВА

ПРИЧАСТИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Проблема лексико-семантической деривации¹ причастий — формирование их вторичных лексических значений в рамках той же грамматической категории — представляет большой интерес для теоретической лексикологии, лексикографии, а также грамматики. Всестороннее описание этого явления помогает полнее вскрыть не только характер и закономерности глагольной номинации, но и статус причастий в системе частей речи. Очевидно, что исследование лексико-семантической деривации может проводиться в диахроническом и синхроническом планах, однако и в том и в другом случаях необходимо предварительное изучение категориальных свойств той исходной единицы, с которой эти изменения происходят, а именно — описание свойств прямых номинативных значений причастий. В статье рассматриваются эти свойства на материале страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида (далее — СП), подвергающихся лексико-семантической деривации, по мнению многих ученых, в наибольшей степени.

Каждое лексическое значение причастной формы сопровождается целым рядом семантических признаков, обусловленных принадлежностью причастия к классу глаголов, а также признаками экспрессивного и другого характера, вызванными особенностями его речевого употребления. Эти свойства прямого номинативного значения причастий в лингвистической литературе почти не описаны. Особенности «знакового значения» глагола были исследованы в ряде работ в плане теории языкового знака (работы А. А. Уфимцевой, Я. Качалы, И. Ружечки, Л. М. Васильева и др.). Однако эти особенности требуют более детального и всестороннего рассмотрения в отношении причастных форм. Это даст возможность выявить те категориальные свойства прямого номинативного значения причастия, которые играют существенную роль в семантической деривации. Это позволит также обратиться к вопросу о причинах семантической деривации причастий (в данном случае — СП) с учетом их семантических (а не только формально-грамматических) свойств.

В лингвистической литературе (вслед за традиционными воззрениями А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и др.) называются следующие главные причины семантической деривации причастий: 1) наличие в «основном грамматическом значении причастия» противоречия «... между действием как процессом, движением и признаком, свойством как относительно устойчивой величиной»². Указывается, что «это

¹ В синхроническом описании этим термином обозначается такая организация семантической структуры слова, где выделяются «первичные» лексические значения и «вторичные», зависящие от них, являющиеся результатом их семантического развития. См., например: С. Д. К а ц н е л ь с о н, *Содержание слова, значение и обозначение*, М.—Л., 1965.

² А. И. Б а х а р е в, *Адъективация причастий в историко-теоретическом освещении*. АКД, Саратов, 1972, стр. 11; см. также работы, посвященные проблеме адъективации причастий (В. Е. Ломтевой, И. А. Краснова, Л. И. Удаловой, М. Ф. Лукина, А. С. Беднякова и др.).

противоречие представляет собой исходный пункт адъективации причастий, которая зависит от борьбы двух компонентов плана содержания (действия и свойства)³; 2) наличие «... таких, казалось бы несоединимых частнограмматических значений, как время и падеж...». Аффиксе *-ый (-ий)* «... служит для выражения грамматических значений рода, числа и падежа и сближает причастие с прилагательным»⁴; 3) употребление причастий (как и прилагательных) в одиночной препозиции.

Рассмотрим наиболее общие элементы семантики прямых номинативных значений СП и способы их формального выражения.

1. Мыслительная категория «признака» и сема «признак» в прямом номинативном значении СП. «Понятию субстанции, выражаемому в языке существительным, противопоставит другая, не менее отвлеченная логическая категория — признак, по-равному выражаемая в языке такими частями речи, как прилагательное, глагол (и его формы — причастие и деепричастие) и наречие»⁵. На основе противопоставления мыслительных категорий «субстанция — признак»⁶ глаголы (в том числе их причастные формы) и прилагательные объединяются в один семиологический класс слов. Одна и та же абстрактная сема⁷ «признак», которая соотносится с общей мыслительной категорией и определяется ею, составляет наиболее абстрактный элемент сигнификативного содержания знакового значения и причастий и прилагательных.

Свое формальное (морфологическое) выражение сема «признак» находит у причастий и прилагательных прежде всего в окончаниях, грамматических формах относительных грамматических категорий рода, числа и падежа. Существующее мнение о том, что эти грамматические формы лишены «подлинного смыслового содержания», не обладают «обобщенным значением»⁸, требует, как нам кажется, уточнения; по своему функциональному назначению (в теории языковых семантических функций — по своим «структурным функциям»⁹) они представляют мыслительную категорию «признак» в виде атрибутивных (определительных) отношений признака и субстанции.

2. Особенности прямого номинативного значения СП с денотативно-сигнификативной точки зрения и сема «состояние объекта действия в результате действия» как элемент этого значения. СП в системе всех других грамматических форм глагола входит в единую глагольную лексему, относящуюся к номинативным знакам языка, знаковые значения которых имеют специфические «денотативную и сигнификативную ценности»¹⁰. Сравним значения СП и прилагательных в следующих случаях: «Он стал делать кое-какие заметки на сюжет будущей пьесы. Ему чудилось раскры-

³ А. И. Бахарев, указ. соч., стр. 11.

⁴ Там же.

⁵ А. А. Уфимцева, Типы словесных знаков, М., 1974, стр. 92—93.

⁶ Термин «признак» приобрел в лингвистических работах разные значения. Его употребляют: а) для обозначения мыслительно-логической категории, в противоположность термину «субстанция»; б) как синоним термину «качество», «свойство» (когда речь идет о семантической специфике прилагательного как части речи); в) как синоним термина «показатель». Употребление этого термина в значении б) часто не помогает четкому разграничению разрыв по содержанию семантических категорий (свойственных, например, классу прилагательных). В данной работе этот термин употребляется только в значении а) и в).

⁷ Под «семой» мы понимаем элемент смысла слова (куда могут относиться и лексические, и грамматические элементы смысла разной степени абстрагированности).

⁸ В. Г. Адиони, Статус обобщенно-грамматического значения в системе языка, ВЯ, 1975, 1, стр. 44—45.

⁹ А. В. Бондарко, Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике, сб. «Универсалии и типологические исследования», М., 1974, стр. 61—63.

¹⁰ А. А. Уфимцева, указ. соч., стр. 22.

тою окном с веткой белых цветущих вишен, влетающих из сада в комнату...» (К. Станиславский, А. П. Чехов в Московском Художественном театре); «Я пошла на этот огонек. Там я увидела Анну Ивановну, жену Суворина, сидевшую в одиночестве, с *распущенными* волосами» (М. П. Чехова, Из далекого прошлого); «На суде так и решено было, что я *обманутый* муж и что я убил, защищая свою поруганную честь» (Л. Толстой, Крейцерово соната). Ср. прилагательные: *большое окно, густые волосы, хороший муж*.

Сигнификативную сущность прямого номинативного значения СП (т. е. тот смысл, который это значение вызывает в нашем сознании) определяют три общие семантические категории: субъект действия — действие в его результативном осмыслении — объект действия. СП называет существующий в реальной действительности (денотативная отнесенность значения СП) признак, который можно определить как «состояние объекта действия в результате действия субъекта»: *раскрыть окно — раскрытое окно, распустить волосы — распущенные волосы, обмануть мужа — обманутый муж* и т. д. Прилагательные называют признак другого рода — «качество, внутреннее свойство предмета»¹¹: *большое окно, густые волосы, хороший муж* и т. д.

Сема «состояние объекта действия в результате действия субъекта» закрепляется в сознании носителей языка как понятие об определенной семантической зависимости знаков, определенном типе смысловых отношений между субъектом и объектом действия. Когда мы встречаем изолированные СП, например, *забытый, брошенный, перенесенный, утраченный* и т. п., в нашем сознании возникает (а также требует уточнения) представление об объекте действия (что именно забыто, брошено, перенесено, утрачено) и во вторую — о субъекте действия (кто забыл, бросил, перенес, утратил и т. п.). Эта семантическая зависимость знаков определяется тем, что причастие (СП) сохраняет одну из важнейших особенностей знакового значения глагола — относительный характер его семантики: без ориентации на объект действия и субъект действия выражаемое причастием понятие является неполным, незаконченным. Это понятие имеет, соответственно, особый способ языкового выражения — минимальную лексическую синтагму, реализующую одну из схем глагольных смысловых отношений: действие, направленное на объект — состояние объекта в результате этого действия¹². Та же относительность семантики (а также обязательность минимальной лексической синтагмы) свойственна и сигнификативной сущности знакового значения прилагательных, однако в языковом сознании носителей языка закрепился качественно иной тип смысловых отношений: качество — предмет.

Важно отметить, что знаковые значения СП и прилагательных, объединяясь в один класс значений семой «признак», относятся к разным классам значений на уровне своей денотативной отнесенности и сигнификативного содержания (семой «качество — свойство» у прилагательных и семой «состояние объекта действия в результате действия субъекта» у причастий). Термины «признак», с одной стороны, и «качество», «состояние», с другой стороны, отражают разные стороны сигнификативного содержания значений СП и прилагательного: соответствующие семы соотнесены

¹¹ Ср.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, 3, М., 1968, стр. 7.

¹² В. И. Борковский и П. С. Кузнецов так определяли понятийную сущность значений СП: «...указать на действие в его результате в качестве состояния..., действие, имевшее место в прошлом, но в своем законченном виде в качестве состояния существующее в настоящем» («Историческая грамматика русского языка», М., 1963, стр. 344).

с разными по степени абстракции и понятийной направленности мыслительными категориями.

Каковы же способы «формального» выражения в языке семы «состояние объекта действия в результате действия»? Какие грамматические и лексико-грамматические категории с ней соотносятся?

В минимальной синтагме имена-объекты действия являются обязательными¹³ членами, раскрывающими денотативно-сигнификативную сущность знакового значения СП (ср. *раскрытое окно, зонтик, книга* и т. д., *освещенное пространство, комната, стол, улица* и т. д., *распущенные волосы, обманутый муж, жена, ребенок, учитель* и т. д.; *забытый зонтик, книга, сумка* и т. д.). Их количество и семантика определяют сочетаемость СП в прямом номинативном значении. Эта сочетаемость в синтагматическом ряду, та же, что и у всех других глагольных форм одной лексемы, круг существительных, с которыми согласуется СП, определяет глагольную лексему (и это существенный признак, отличающий СП от прилагательных). Существительные, с которыми согласуется СП, являются «семантическими объектами действия»¹⁴, ср. *обмануть, обманет, обманул бы* и т. д. *мужа, жену, бабушку, сына* и т. д., *обманутый (обманут) муж, жена, бабушка, сын* и т. д. СП сохраняет тип глагольного семантического управления (тип лексической связи, существующей между переходной лексемой и другой лексемой, выступающей в качестве объекта действия переходного глагола)¹⁵.

В минимальной синтагме «СП + существительное-объект действия» реализуется также и категория семантической переходности, «... приобретающая статус лексико-семантического признака, которым содержательно характеризуется управляющая лексема»¹⁶. СП как форма глагола, находящаяся в системных отношениях с другими грамматическими формами той же глагольной лексемы (в зависимости от целей конкретного высказывания происходит выбор одной из форм глагола) сохраняет в своей семантике значение переходности (значение управляющей лексемы). Разного рода обстоятельственные, уточняющие действие лексемы, которые могут быть введены в минимальную синтагму, распространяя ее, также присущи всем формам глагольной лексемы, например: «Первое Дашино письмо было длинное, веселое, второе — коротенькое, со скрытой меж строками тревогой» (Г. Пиколаева, Битва в пути); «А Чечевичный — что же, Чече-

¹³ Имена-субъекты действия не являются обязательными членами минимальной синтагмы. Они могут не называться, но мыслятся в самом обобщенном, абстрагированном виде.

¹⁴ Выделение и признание существования в языке «семантических объектов действия» (у СП «семантический объект действия» может быть легко трансформирован в грамматическое подлежащее пассивной конструкции либо в грамматическое дополнение активной конструкции) наряду с «грамматическими объектами действия», а также «семантической переходности» глагола наряду с «грамматической переходностью» (см., например, работы В. Н. Сидорова и И. С. Ильинской, А. А. Уфимцевой, А. М. Мухомова) позволяет описать семантическую природу «прямого номинативного значения» СП более последовательно.

¹⁵ О понимании «семантического управления» как лексической связи между переходной лексемой и лексемой-дополнением см.: А. М. Мухомов, Управление как лексическая связь (в разграничении лексического и синтаксического уровней языка), «Научная конференция и вопросы описания лексико-семантической системы языка (Тезисы докладов)», ч. II, М., 1971; е го же, О словосочетаниях (фразах) и методах их изучения (на материале современного русского языка), сб. «Грамматическое описание славянских языков», М., 1974; на наличие у причастий глагольного управления указывал еще А. М. Пешковски (см. «Русский синтаксис в научном освещении», 4-е изд., М., 1934, стр. 132).

¹⁶ А. М. Мухомов, О словосочетаниях (фразах)..., стр. 62; А. А. Уфимцев, указ. соч. Существует иная точка зрения на природу переходности — непереходности (см.: А. В. Бондарко, К теории поля в грамматике — залог и залоговость, ВЯ, 1972, 3).

вичный и к этому готов! Вынимает из кожаной папки *специально на этот случай припасенные* бумаги» (Л. Кабо, В трудном походе). Ср.: *скрыть тревогу между строк, припасты бумаги специально на этот случай.*

Все названные категориальные признаки не имеют морфологических способов выражения в форме СП, присущи ей как члену глагольной парадигмы и выражаются лексико-семантическим и отчасти синтаксическим способом (глагольное управление, переходность, «обстоятельствоное пространство» и др.).

Морфологически выражен в причастной форме залог (значение отношения действия к его субъекту и объекту); при этом СП является членом оппозиции «актив — пассив», составляющей центр поля залоговости, а также морфологической основой пассива. «Залоговая принадлежность этих образований (т. е. СП. — И. С.) может быть определена чисто морфологически, в отвлечении от конкретного лексического наполнения, от словообразовательного разряда, от синтаксической конструкции»¹⁷.

Существующая в литературе о причастиях точка зрения о том, что в одиночной препозиции (т. е. минимальной синтагме) залоговое значение у СП «затушевывается», «ослабевает», кажется неубедительной; разные виды и способы обобщений и абстракций свойственны разным уровням языковой системы, и залоговое значение СП в этой конструкции представляет собой один из способов языкового выражения значения пассива: субъект действия не назван, но мыслится в обобщенном виде¹⁸, объект действия (носитель глагольного признака) назван — это существительное, с которым согласуется СП и которое легко трансформируется в грамматическое дополнение (в вин. падеже) при инфинитиве и предикативных формах того же глагола. Ср.: *обмануть, обманувший* (актив) — *обманутый* (пассив); *осветить, осветивший* (актив) — *освещенный* (пассив) и т. д. Значение страдательности как бы фокусируется в своем наиболее обобщенном виде в семантике основы СП. Минимальная синтагма СП воплощает одну из семантико-синтаксических форм пассива: *обманутый муж, освещенное пространство, распущенные волосы* и др.

В языковом сознании существует регулярная соотносительность минимальных синтагм «СП + существительное-объект действия» с краткими (предикативными) формами СП, употребленными в определительных придаточных предложениях: *раскрытое окно = окно, которое было раскрыто; забытый зонтик = зонтик, который был забыт; брошенный муж = муж, который был брошен; освещенное пространство = пространство, которое было освещено; утраченные иллюзии = иллюзии, которые были утрачены; взволнованный человек = человек, который был взволнован (чем-то); вооруженный рабочий = рабочий, который был вооружен* и т. д. Правая и левая части представляют собой синонимичные знаки-синтагмы; на «словарном» уровне правая часть может служить толкованием левой, подчеркивая некоторый смысл, заключенный в ней, а именно — скрытую предикативность и перфектность, которыми эти минимальные синтагмы всегда обладают (*покинутое место* — это место, которое было покинуто кем-то; *забытый зонтик* — это зонтик, который был забыт и т. д.) Синтаксическая форма правой части — придаточное определительное предложение — отражает атрибутивные отношения СП и существительного — объекта действия в минимальной синтагме (в левой части). Скрытые предикативность и перфектность, свойственные минимальной синтагме «СП + существительное-объект действия», скрытая перфектность как свойство изолированного СП на словарном уровне (*утраченный* — то, что было ут-

¹⁷ А. В. Бондарко, указ. соч., стр. 28.

¹⁸ Там же, стр. 29; В. И. Боровский, П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 344.

рачено: *утраченные надежды*) существенным образом отличают СП от прилагательных.

Итак, второй общий элемент семантики прямого номинативного значения СП — сема «состояние объекта действия в результате действия» непосредственно связана с категориями залога, переходности, объектности, глагольного управления, «скрытой предикативностью» в минимальной синтагме, «скрытой перфектностью»¹⁹. Наиболее «грамматичной» оказывается в СП категория залога. Категории «переходности», «объектности», «глагольного управления» выражены в СП лексико-семантическим способом (с точки зрения теории поля, в грамматике СП находится как бы на «периферии» поля этих языковых категорий, если учитывать степень грамматичности их выражения).

Какие выводы можно сделать в связи с выделением в сигнификативном содержании значения СП семы «признак», с одной стороны, и семы «состояние объекта действия в результате действия»²⁰, с другой? Сема «качество, свойство» (но не сема «признак») составляет семантическую специфику прилагательного как части речи. Сема «состояние...» составляет одну из черт семантической специфики глагола как части речи (в его причастных формах). В этой связи по-иному, в отличие от традиционного способа, можно интерпретировать сущность грамматических форм рода, числа и падежа у причастий и прилагательных. Традиционное утверждение о том, что причастия совмещают в себе признаки глагола и прилагательного, требует уточнения. Ведь грамматические формы рода, числа и падежа являются средством передачи признака субстанции (либо ее «состояния...», либо ее «качества, свойства») в форме атрибутивных (определятельных) отношений. Они не являются принадлежностью только класса прилагательных, но в равной мере принадлежат глаголу в его причастных формах. По-видимому, здесь можно говорить о своеобразной функциональной полисемии этих грамматических форм (в одном случае они реализуют в атрибутивных, определятельных, отношениях сему «состояние...», в других — сему «качество, внутреннее свойство»).

Атрибутивность грамматических форм рода, числа, падежа согласуется с семантикой прилагательного как части речи, которая связана с определительными (качество, свойство), а не субъектно-объектными, как у СП, отношениями. «... В зависимости категорий рода прилагательных от тех существительных, с которыми они согласуются, находит дополнительное избыточное выражение семантика прилагательных как части речи...»²¹. Семантика СП не находит такого же избыточного выражения в атрибутивности грамматических форм рода, числа, падежа. «Избыточность» — «неизбыточность» этих грамматических форм у прилагательных и причастий является, таким образом, одним из признаков, которые выражают грамматическую полисемию этих форм.

Следствием отнесения грамматических форм рода, числа и падежа только к классу прилагательных, а затем механического перенесения этих свойств прилагательных на класс причастий, следствием ориентации только на понятийно-логическую категорию признака являются опреде-

¹⁹ Грамматические категории СП — относительность времени, характер приставочных образований, категория залога (в иной интерпретации), категория вида — рассмотрены в кн. Л. П. К а л а к у н о й «Адъективация причастий в современном русском литературном языке» (М., 1974), посвященной грамматическим причинам этого процесса.

²⁰ У других форм причастия, например, действительных настоящего и прошедшего времени, также можно выделить сему «признак», с одной стороны, и сему «состояние субъекта действия», с другой.

²¹ А. В. Б о н д а р к о, Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике, сб. «Универсалии и типологические исследования», стр. 63.

ления семантики причастий, даваемые во многих грамматиках современного русского языка: «Причастие... обозначает действие, приписываемое лицу или предмету как признак, как их свойство...»²²; «Подобно прилагательному, причастие обозначает признак предмета...»²³; «Причастие называется неспрягаемая форма глагола..., которая обозначает признак предмета...»²⁴; «Причастие — это название глагольного признака, осложненного представлением о пассивном признаке, т. е. представлением о свойстве и качестве...»²⁵. Наиболее удачным кажется определение причастия, данное в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970): «Причастием называется форма глагола, обозначающая как аtribute вкое состояние ие... тот процесс, который назван инфинитивом этого глагола»²⁶ (разрядка всюду наша. — И. С.).

Очевидно, те же причины лежат в основе отнесения причастий к классу прилагательных: «... так как причастие есть прежде всего прилагательное, то оно разделяет все свойства прилагательных»²⁷; «Причастия являются по существу прилагательными, образованными от глагола..., хотя синтаксически и причастия и инфинитивы сохраняют много общего с глаголом»²⁸; «... причастие обозначает процессуальное качество предмета, а не качественное действие, поскольку в русском языке морфологические показатели имеют решающее значение при классификации слов по частям речи...», причастие — «процессуальная разновидность прилагательного»²⁹.

По-видимому, тождество в формальном выражении и обобщенном значении (соотнесенность с общей понятийно-логической категорией «признак») грамматических форм рода, числа и падежа у причастий и прилагательных не может быть достаточным основанием для отнесения причастия к классу прилагательных. Нет оснований также для выводов о том, что причастие занимает «неустойчивое положение в системе частей речи» (А. И. Бахарев) или о том, что «... прилагательность, адъективность — постоянный атрибут причастия, а глагольность — не постоянный, она может быть выражена у причастия в той или иной степени, но никогда в той, в какой она присуща глаголу»³⁰. Причастия не являются ни самостоятельной частью речи, ни промежуточным классом слов (между глаголом и прилагательным), ни процессуальным прилагательным. СП — одна из глагольных словоформ, имеющая в своем прямом номинативном значении постоянные глагольные семы (как грамматические, так и лексико-семантические — как правило, она сохраняет количество и тип значений единой глагольной лексики, их иерархическую зависимость), объединяющие эту словоформу с другими словоформами того же глагола. Противоречие, которое усматривается многими исследователями между атрибутивной

²² «Грамматика русского языка», I, М., 1952, стр. 506.

²³ «Современный русский язык», под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1971, стр. 332.

²⁴ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цапункина и др., Современный русский язык, М., 1964, стр. 239.

²⁵ А. А. Шамагов, Синтаксис русского языка, Л., 1941, стр. 470.

²⁶ «Грамматика современного русского литературного языка», М., 1970, стр. 418; О разных точках зрения на грамматическую природу причастий см.: Е. А. Иванникова, О так называемом процессе адъективации причастий, сб. «Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков», М., 1974; Т. П. Ломтев, Очерки по историческому синтаксису русского языка, М., 1957; В. В. Виноградов, Русский язык, М., 1947.

²⁷ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М., 1956, стр. 82.

²⁸ О. Есперсен, Философия грамматики, М., 1958, стр. 96.

²⁹ Е. А. Иванникова, указ. соч., стр. 298, 301.

³⁰ Там же, стр. 300.

формой (аффиксами *-ый, -ий*) и грамматическими категориями залога, переходности, времени, вида и т. д., между «действием как процессом, движением и признаком как устойчивой величиной» (А. И. Бахарев), очевидно, не существует, а именно это противоречие считается одним из главных условий семантической деривации причастий.

Свойства глагола, одной из центральных категорий в языке, столь многоплановы, что они делают возможным (и необходимым) наличие в системе глагола и атрибутивных форм. Нет оснований для выводов о том, что в причастии происходит «борьба» между «несоединимыми», «чуждыми» друг другу понятиями и языковыми категориями. Язык выработал экономный способ обозначения особых, существующих в реальной действительности и в языковом сознании признаков предметов — объектов действия.

3. СП в составе атрибутивной синтаксической конструкции «СП + существительное» (одиночная препозиция) в высказывании. Принадлежность СП к глаголам подтверждают также и те их категориальные свойства, наличие которых обусловлено упреждением СП в составе высказывания (категориальные свойства СП на уровне речи).

Атрибутивная конструкция (далее — АК) «СП + существительное» представляет собой микроконтекст (реализующий все категориальные признаки СП), а также элементарную структуру — элемент высказывания — «... самостоятельный, и в самом себе достаточный языковой знак, имеющий свою собственную форму и свое собственное значение»³¹. АК — универсальная синтаксическая схема, которая складывается из атрибута (он может быть выражен разными классами слов: прилагательным, местоимением, причастием, числительным) и существительного, связанных отношениями синтаксического согласования. Наиболее абстрактное значение, присущее АК независимо от свойств компонентов, — атрибутивность (ср. значение предикативности как наиболее абстрактное свойство структурной схемы — предложения). Это самое общее грамматическое значение (значение того абстрактного образца, по которому строятся конкретные АК) накладывается на значения иного качества (уже не собственно грамматические, зависящие от компонентов схемы и их отношений, от лексической семантики слов, заполняющих эти позиции)³².

АК, имея свои компоненты «СП + существительное-объект действия», помимо собственно грамматического значения «определятельности» (единственный признак, объединяющий в один тип вышеназванные АК и АК, имеющие в своем составе прилагательные), имеет также общее значение: «состояние объекта (в иной терминологии — «целевой субстанции»³³) глагольного действия в результате этого действия». Ср.: *Я увидела Анну Ивановну, сидевшую в одиночестве, с распущенными волосами; Катя переступила через эту границу и вошла в освещенное пространство*. Эта значимая сторона АК формируется на основе языковых свойств ее составляющих (в частности, отражая природу прямого номинативного значения причастия). Словосочетание «СП + существительное» характеризуется повышенной смысловой нагруженностью, оно, будучи употребленным в определенном контексте или ситуации, содержит некоторый смысл имплицитно: *с распущенными волосами* — с волосами, которые (она — Анна Ивановна) распустила по плечам; *освещенное пространство* — пространство, которое было освещено (чем-то, в тексте — Луной). Этот тип

³¹ Н. Ю. Шведова, Место семантики в описательной грамматике (синтаксис), в кн.: «Грамматическое описание славянских языков», М., 1974, стр. 107.

³² Там же, стр. 108, 109.

³³ Я. Качала, Субстанциальные и несубстанциальные характеристики глагола, в кн.: «Грамматическое описание славянских языков», М., 1974.

сочетаний является экономным средством передачи «микросмысла» (говорящий не стремится детализировать ситуацию, которая и так ясна или не важна в акте коммуникации; однако сочетание может дорабатываться, уточняться, конкретизироваться — с *распущенными по плечам волосами* и т. д.).

С точки зрения элементарных структур, составляющих предложение, АК представляет собой самостоятельную структуру, которая позволяет говорить о дополнительном ядре высказывания, выражающем особый смысл — сообщение — в свернутом виде³⁴. В предложении АК играет роль неактуализованной пропозиции, которая всегда может быть актуализована в предложении (в виде полного причастного оборота, определительного придаточного предложения и т. д.) — в отличие от АК с прилагательными³⁵. Осознанию АК как дополнительного ядра высказывания способствует и значение «скрытой предикативности»³⁶ и значение «перфектности»³⁷ (состояние — результат совершенного в прошлом действия — отнесено ко времени сказуемого, которое может быть и прошедшим и будущим)³⁸.

Таким образом, семантика (общее значение) конструкции «СП + существительное» определяется (в отличие от общего грамматического значения самой схемы) свойствами СП. Эта значимая сторона АК «СП + существительное» указывает на ее способность быть одним из средств выражения не только определительных, но и субъектно-объектных отношений (отношений действия, объекта действия и наиболее абстрагированного субъекта).

Одной из существенных черт, принципиально отличающих этот тип АК от АК «прилагательное + существительное», является свойство дейктивности³⁹, непосредственно связанное с особенностями семантики АК «СП + существительное» и проявляющееся в конкретном речевом высказывании. Это свойство, или «сема» дейктивности, выступает как бы в двух разновидностях.

Во-первых, АК «СП + существительное» представляет собой сокращенную номинацию ситуации, описанной в предыдущем контексте, т. е. соотносит данное конкретное высказывание с предыдущим контекстом. Ср.: «Пусть сами выбирают, кто им больше нравится... — Это чтобы ты уехал из района с аттестацией *забаллотированного* секретаря» (Правда, 15 VIII 1966); «Мне казалось, что в добрых внимательных глазах его осталось что-то от *перенесенных* страданий» (Коротков, Всегда в памяти); Петька встал на ноги, потер *шибленный* затылок» (В. Белов, Кануны). Предыдущий контекст может быть разной степени широты — от содержания

³⁴ Именно этим объясняется тот факт, что можно сказать *сидела с распущенными волосами*, но нельзя сказать *сидела с густыми волосами*.

³⁵ Об условиях замены причастных оборотов, а также некоторых одиночных проприативных причастий придаточными определительными предложениями см.: Н. М. Медведев, Об условиях утраты определительных придаточных предложений соотносительных с причастными оборотами, в кн.: «Нормы современного русского литературного словоупотребления», Л., 1966.

³⁶ На «скрытую предикативность» причастных форм обращали внимание многие исследователи. См., например: А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, в кн.: «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (ученик о частях речи)», М., 1952, стр. 84; Н. М. Медведев, указ. соч., и др.

³⁷ В. И. Бороковский, П. С. Кузнецов, указ. соч., стр. 260; см. также: А. В. Бовдарко, Грамматическая категория и контекст, раздел «Темпоральность»; П. С. Поспелов, О выражении перфектности в русском глаголе (Доклад на Выноградских чтениях, 10 янв. 1975, МГУ), и др.

³⁸ См. об относительности времени СП: Л. П. Калакуцкая, указ. соч.

³⁹ Этим свойством обладает лексически ограниченный круг прилагательных в отличие от СП, у которых дейктивность лексически не ограничена.

главы, отрезка до предшествующей фразы. АК может быть также «ключевой единицей», предвещающей изложение событий, делающей обязательным раскрытие сокращенной номинации, заключенной в АК, в последующем контексте. Ср.: «Вошла *взволнованная* Маша. — Что случилось? — Отец приехал!» (из материалов для радиовещания); «Федор пришел поздно, с *забитой* рукой. — Где это ты? — Да на стройке на стружку упал» (там же). Таким образом, АК является одним из языковых синтаксических средств, связывающих в смысловом отношении части текста (самых разных объемов).

Во-вторых, АК может соотносить конкретное высказывание с ситуацией, которая находится за пределами текста, однако ясна говорящему и слушающему. При этом степень важности этой ситуации, с точки зрения говорящего, для акта коммуникации может быть разной, часто минимальной. Говорящему важно подчеркнуть лишь результат — состояние объекта действия. В этом случае значение дейктичности находится на периферии смыслового содержания АК. Ср.: «Передо мной *раскрытая* книга. И что же я знаю, читаю?...» (Ю. Олеша, Я смотрю в прошлое); «Он стоит на фоне балконной двери, черный, как тень, на тонких *расставленных* ногах» (Ю. Олеша, Человеческий материал); «Для очень многих, особенно для представителей искусства... и для руководителей всевозможных *организованных* групп, культура играет огромную роль в формировании эстетического вкуса...».

АК «СП + существительное», выполняя дейктическую функцию, является одним из элементов функционально-семантического поля субъективной ориентации. Этот синтаксический знак выступает как одно из средств субъективного указания на пространственное и временное соположение лиц, предметов, событий в конкретном акте речи. Степень дейктичности АК зависит от субъективной ориентации говорящего, от оценки им важности содержащейся в АК информации, желания повторить, подчеркнуть элементы уже известного смысла, от соотносительности АК только с внеконтекстной ситуацией или, наоборот, с предыдущим или последующим контекстом. Вид дейктичности зависит, по-видимому, и от специфики лексической семантики СП (например, СП *остановленный, принесенный, кулennyй* и т. п. не могут в одиночной препозиции соотноситься с внеконтекстной ситуацией).

Итак, АК «СП + существительное» выполняет в речи две функции — номинативную (обозначение состояния объекта в результате действия)⁴⁰ и дейктическую (контекстная и ситуативная прикрепленность высказывания), являясь «полудейктическим» синтаксическим знаком. Эта двойная функциональная нагрузка, двойная информативность⁴¹ АК, концентрация смысла описываемой или известной говорящему ситуации создают большую экспрессивную насыщенность АК, делая эту конструкцию одним из средств экспрессивной выразительности речи, распространенным преимущественно в языке художественной литературы⁴².

«Сему» дейктичности, а также экспрессивную выразительность приобретает в речи в составе АК и само СП; как виртуальный языковой знак СП этой «семе» не имеет. Отсутствие «семе» дейктичности у СП на уровне речи может быть одним из показателей степени семантических сдвигов в его

⁴⁰ Проблема синтаксической семантики разрабатывается многими исследователями (Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гаком, Е. В. Падучевой, Ч. Филмором и др.).

⁴¹ Исследование проблемы информативности языковых единиц см.: И. Р. Г а л ь п е р к и н, Информативность единиц языка, М., 1974.

⁴² С этой точки зрения АК могут быть исследованы как особые средства выразительности языка писателя. Ср., например, прозу К. Симонова, В. Богомолова, насыщенную конструкциями АК «СП + существительное».

прямом номинативном значении. Ср., например: «Товарищ Коротков здесь?» — В дверях стоял *вооруженный* красногвардеец. Он сказал, что...» (Коротков, Всегда в памяти) — здесь произошел семантический сдвиг в прямом номинативном значении СП *вооруженный* в сторону «адъективации» (ср. еще *вооруженное нападение, вооруженное восстание*).

Наличие двойной информативности, экспрессивной насыщенности прямого номинативного значения СП делает возможным его индивидуально-авторское употребление в языке художественной литературы. В художественном контексте СП выступает в роли символа (термин, введенный В. В. Виноградовым для обозначения свойств лексических значений слов, определенных художественным контекстом, и противопоставленный термину «лексема»⁴³), выполняя эстетическую функцию: «Значение может быть необязательным, даже неожиданным по поводу данной реалии, но незаменимо как выражение модального качества мысли, целесообразно для передачи психической среды сообщаемого логического содержания»⁴⁴. Ср.: «Она впервые задала себе этот вопрос. Охватила взглядом *разоренное* застолье, недоожденных „жар-птиц“, все свое унижение и ответила: „люблю...“» (Г. Николаева, Битва в пути); «Белые, *оборванные* тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками» (А. С. Пушкин, Путешествие в Арзрум). С этой точки зрения кажутся неоправданными привлекаемые некоторыми исследователями для иллюстраций семантических изменений СП в системе языка примеры типа: *растроганный порыв, рассерженный гудок*⁴⁵ и др.

АК «СП + существительное» играет роль дифференцирующего признака при разграничении разных лексических значений СП. Прямое номинативное значение СП (в отличие от прилагательных) может, как правило, реализоваться в разных синтаксических моделях: полном причастном обороте, с уточнениями, обстоятельными словами, в одиночной препозиции, в постпозиции, как обособленный член предложения. Иногда в этом значении происходят существенные семантические сдвиги, образующие новые лексические значения. Тогда, как правило, одиночная препозиция (как и постпозиция) закрепляется за этим новым значением в системе языка, причем в речевом высказывании дейктической «семь» у таких значений нет. Прямое номинативное значение СП становится конструктивно обусловленным в том смысле, что вне конструкции с уточняющими словами или вне полного причастного оборота его употребление в речи становится невозможным. Ср. разные значения СП *воспитанный*: «Он гордился своим *воспитанным* дядей, который без салфетки не может позавтракать» (В. Панова, Сережа) и «... волнение... охватило всех нас... при встрече с писателем, имя которого мы, *воспитанные* Вл. И. Немировичем-Данченко, привыкли произносить с благоговением» (О. Л. Книппер-Чехова, О А. П. Чехове). В этом смысле для прилагательных сама модель — одиночная препозиция — такой роли не играет.

*

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что само по себе употребление СП в одиночной препозиции в речевом высказывании не может рассматриваться как основное условие семантических изменений СП, в частности его адъективации. Этому препятствует не только семантика АК

⁴³ В. В. Виноградов, О поэзии Анны Ахматовой, Л., 1925.

⁴⁴ Б. А. Ларин, Эстетика слова и язык писателя, Л., 1974, стр. 33.

⁴⁵ А. И. Бахарев, указ. соч., стр. 9.

«СП + существительное», присущая ей на уровне языка, но и функциональная значимость АК на уровне речи.

Очевидно, причины семантической деривации СП, в том числе и адъективации, кроются не только в их формальном сходстве с прилагательными (тождество структурных функций грамматических форм рода, числа и падежа; общий тип модели АК). Эти причины следует искать в различных свойствах СП, которыми они обладают как члены глагольной лексики: 1) в особенностях семантики глагола с точки зрения его денотативно-сигнификативных свойств⁴⁶; 2) в особенностях грамматических свойств СП как формы глагола⁴⁷; 3) в особенностях прагматических и дейктических свойств СП. Особую роль в семантической деривации СП может играть художественный контекст, когда лексическое значение — «символ» перестает им быть, входя в систему языка в качестве нового лексического значения.

⁴⁶ См.: И. К. Сазонова. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения слова, ВЯ, 1971, 6.

⁴⁷ См.: Л. П. Калакуцкая, указ. соч.